

Великая вдовствующая императрица годами ездила в Храм Защиты Государства, чтобы молиться Будде, беря с собой обеих принцесс. Чу Лань ещё не был женат, а во всём гареме обитали лишь несколько вдовствующих наложниц да императрица-мать. С вдовствующими наложницами Чу Лань был не в ладах, а единственная его мать, вдовствующая императрица, только и знала, что создавать ему проблемы. Неудивительно, что он мог сказать нечто подобное.

Евнух Пань осторожно подобрал слова: Вдовствующая императрица — родная мать Вашего Величества, как же она может не думать о вас? Просто она не сразу во всём разобралась, вот и всё.

Надеюсь на это, — Чу Лань не хотел больше развивать эту тему. — Когда вернётся дядя?

Полагаю, в течение дня или двух.

На лице Чу Ланя появилась улыбка: Вот и хорошо. Как только вернётся в столицу, пусть сразу явится во дворец. В последние дни от главного канцлера Фань Вэньфана были какие-нибудь вести?

Евнух Пань прошептал: Никаких.

Раз нет — и ладно. Даже если бы что-то и было, Фань Вэньфан крайне осторожен, его не так-то просто выследить, — Чу Лань был в приподнятом настроении, и теперь даже имя Фань Вэньфана не вызывало у него прежнего отвращения.

На город опустились сумерки. Весёлые кварталы, где процветали бордели и увеселительные заведения, обычно становились самыми оживлёнными местами, особенно в таком процветающем городе, как Шанцзин, где они цвели пышным цветом. Хотя Чуцзин прямо не запрещал чиновникам посещать такие места, ограничение касалось лишь заведений с музыкантами и танцовщицами; места, где продавали плотские утехи, были для чиновников под строгим запретом.

Самым известным заведением подобного рода в Шанцзине был Дом Манфан. Здесь была тьма красавиц, и, как гласила вывеска, девушки здесь продавали лишь искусство, но не тело. Однако нетерпеливые чиновники тайком пробирались сюда, запирали двери и слушали несколько мелодий. Пока это не всплывало — до престола слухи не доходили, а если и всплывало — беды не было: ведь они просто выпили немного вина и послушали музыку, ничего предосудительного.

Перед Домом Манфан остановилась карета. Чу Цзюсюй, облачённый в халат с широкими рукавами, невозмутимо сидел внутри. Мы уже в Шанцзине, государственный наставник может идти своим путём.

Скрытый смысл этих слов был ясен: мы в Шанцзине, вы можете быть свободны. Использовал и

выбросил — верх безжалостности.

Цзин У сидел неподвижно, словно священная гора. Регент не вернётся в свою резиденцию?

У меня ещё есть дела, пока не вернусь. Если у государственного наставника есть свои, можете идти, — Чу Цзюсюй недвусмысленно указал ему на дверь.

Даже в Шанцзине небезопасно. Регент ранен, поэтому я, скромный монах, не имею дел и могу составить компанию регенту.

Глядя на невозмутимого, непоколебимого Цзин У, Чу Цзюсюй хотел лишь выругаться. Поистине, легко пригласить Будду, да трудно его выпроводить, тем более если этот Будда — Цзин У. С каких это пор у Цзин У появилась привычка совать нос в чужие дела? Столько лет прокрутившись при дворе, он стал всё более непонятным.

Дело, которое хотел уладить Чу Цзюсюй, не было постыдным, но ему не хотелось, чтобы Цзин У таскался следом. Государственный наставник знает, куда я направляюсь?

Не знаю.

Чу Цзюсюй прищурился: А про Пещеру наслаждений слышали?

Не слышал, — Цзин У перебирал чётки, услышав название, он понял, что место это не из приятных.

Чиновникам нашей династии запрещено посещать бордели. Государственный наставник должен знать, что это за место. Именно туда я и направляюсь. Вы действительно собираетесь пойти со мной? — невозмутимо спросил Чу Цзюсюй.

Цзин У немного помолчал: Чиновникам нашей династии нельзя посещать бордели.

Чу Цзюсюй слегка вскинул подбородок: У меня свои методы.

Вскинутый подбородок указывал на дверцу кареты — мол, убирайся скорее.

Глядя на стойкого, как скала, Цзин У, Чу Цзюсюй прищурился: В прошлой династии двое чиновников развлекались с одной куртизанкой и стали друзьями. Я и государственный наставник тоже друзья, так что разделить кого-то на двоих — тоже вариант. Только я не ожидал, что государственный наставник из Храма Защиты Государства обладает столь извращённым вкусом. Видимо, я мало повидал.

Цзин У замолчал, действительно не ожидая, что Чу Цзюсюй скажет подобное. Я пойду, — произнёс он.

Провожая взглядом удаляющуюся спину Цзин У, Чу Цзюсюй усмехнулся: И такой простак тоже хочет со мной тягаться?

Евнух Ван выглядел крайне озадаченным: Ваша Светлость, может, я в чём-то не доглядел? — он вздохнул. — Каким бы вы ни были, в моих глазах вы всегда лучший, но будущая супруга регента непременно должна быть из чистой семьи.

Чу Цзюсюй поперхнуло от этих слов евнуха Вана. Вот уж воистину возмездие: перед Буддой нельзя притворяться, — Неужели я такой человек? Только что я просто хотел отпугнуть наставника, чтобы он не таскался следом. О чём ты только подумал?

Евнух Ван облегчённо выдохнул: В таком случае хорошо, это я нафантазировал.

Чу Цзюсюй надел маску и, заложив руки в рукава, вальяжно вошёл в Дом Манфан. Следовавший за ним евнух Ван тоже был в маске. Глядя на то, как невозмутимо и уверенно Чу Цзюсюй заходит в заведение, будто в собственный двор, никто бы и не подумал, что он здесь впервые.

Скрывающие лица чиновники часто заглядывали в Дом Манфан, так что маска Чу Цзюсюй никого не удивила. Местные слуги были глазастыми и провели Чу Цзюсюй по особому пути, предназначенному специально для важных особ.

Чу Цзюсюй положил на стол банкноту. Позовите вашу хозяйку.

Будет сделано, — слуга, схватив деньги, радостно удалился.

Чу Цзюсюй подал знак Эр Вэню, чтобы тот провёл разведку. По тому, как ловко слуга принял деньги, было ясно, что чиновники здесь частые гости. А так как у большинства из них дома были жёны и наложницы, вряд ли кто-то стал бы часто заходить в место, где только и делают, что слушают музыку и смотрят танцы.

Хозяйка пришла быстро — женщина, чьё тело было столь тучным, что глаз почти не было видно. Какой гость! Какую девушку вы присмотрели? У нас есть всё: и игра на цитре, и пение, и танцы.

Мне нужно разузнать об одном человеке. Просто говори правду, — Чу Цзюсюй положил на стол две банкноты по сто лян.

Евнух Ван вовремя вытащил портрет: на нём был изображён мужчина в зелёном одеянии, от которого веяло книжной учёностью, а пара персиковых глаз придавала ему мягкий, влюбчивый

вид.

Улыбка хозяйки не дрогнула: Ах, господин, о делах клиентов мы не распространяемся.

Чу Цзюсюй выложил ещё две банкноты, а взгляд его стал холоднее. С какими девушками он здесь встречался?

Глаза хозяйки впились в банкноты, Чу Цзюсюй добавил ещё две. Хозяйка просияла и забрала деньги. Этот господин с портрета — учёный человек, он проводит здесь большую часть месяца. А что касается девушек... — она одарила Чу Цзюсюя понимающим взглядом. — Здесь все, от главной красавицы до простой служанки, любят этого господина. Ведь он так щедр.

Он предпочитает слушать музыку или смотреть танцы? Приходит один или с компанией? — спросил Чу Цзюсюй.

Хозяйка улыбнулась: И то, и другое. Конечно, он приходит к каждой по очереди, у нас в доме не принято устраивать битвы за благосклонность.

Чу Цзюсюй задал ещё пару неважных вопросов и поднялся, чтобы покинуть Дом Манфан. По пути он тихо ругался: этот Чжоу Цзыхэн в лучшем случае просто книжник, у него ни чина, ни должности, а за пару вопросов пришлось выложить пятьсот лянов! Старая карга с чёрным сердцем.

Ступив в карету, Чу Цзюсюй сел на мягкую кушетку. Что-нибудь удалось выяснить? — спросил он.

Евнух Ван опустил взгляд, сидя в стороне. Дом Манфан слишком шумный, звуки цитры и барабанов не стихают ни на минуту.

Чу Цзюсюй хмыкнул. Для танцев нужно музыкальное сопровождение, а хозяйка говорит, что он оставался с ними наедине. При каких обстоятельствах танцы проходят наедине и без музыки?

Чу Цзюсюй безразлично ответил: Когда жена соблазняет мужа, чтобы заделать ребёнка.

Евнух Ван тихо кашлянул. Ваша Светлость, вы хотите жениться?

Нет-нет, — поспешно отрезал Чу Цзюсюй. — Мне и с Жоужоу хватило хлопот, чуть жизни не лишился. Не хочу создавать себе лишних проблем, в одиночестве до старости — вот это истинное счастье.

Евнух Ван не стал спорить. Сейчас говорить что-то бессмысленно: когда появится любимый

человек, сегодняшние слова окажутся лишь пустым лепетом в постели, который забудут сразу после окончания дел.

Вэнь И откинул занавеску и вошёл. Застучали копыта, Дом Манфан оставался всё дальше позади.

Не дожидаясь вопроса Чу Цзюсюя, Вэнь И доложил: В Доме Манфан строгая охрана, посторонним туда вход заказан. На поверхности это заведение с музыкантами, но я выяснил, что втайне они промышляют торговлей телом.

Не спугните змею. По тому, как ловко они принимают гостей, неясно, сколько чиновников в это замешано и кто именно покрывает Дом Манфан в столице. Распорядись, пусть ведут тайное расследование. Время терпит, но главное — не выдать себя, — голос Чу Цзюсюя стал холодным.

Чиновники Чуцзина живут в достатке, у многих есть жёны и наложницы, но если они не могут совладать даже со своим низом, какие из них столпы государства?

Слушаюсь.

К резиденции регента они добрались уже глубокой ночью. Чу Цзюсюй, несколько дней кряду находившийся в пути, был измотан, раны заживали медленнее, чем у обычных людей, и сейчас ещё не затянулись, а из-за постоянной суеты и поездок, казалось, начали воспаляться.

Умывшись, Чу Цзюсюй велел евнуху Вану наложить лекарство и тут же провалился в сон. Только благодаря лекарству, данному Цзин У, он мог выдержать такую нагрузку, иначе сильный жар был бы меньшим из зол.

В резиденции регента было мало слуг, поэтому царила тишина. И когда Чу Цзюсюй решил, что наконец-то сможет выспаться, стук в дверь нарушил его покой.

Чу Цзюсюй с неохотой открыл тяжёлые веки. В сравнении с Цзин У он казался ребёнком от неродной матери — то есть Небес. Не стоит ли ему воскурить благовония, чтобы почтить Будду? Он ни о чём не просил, лишь о том, чтобы дали спокойно поспать.

Что случилось? — голос Чу Цзюсюя прозвучал хрипло.

Регент, Его Величество забрался на Башню Высокого Вида, говорит, хочет прыгнуть.

Чудесно, это голос Вэнь Эра. Чу Лань сейчас, несомненно, на Башне Высокого Вида.

Башня Высокого Вида была в самом центре дворца, самым высоким строением,

олицетворяющим стремление ввысь и широкий обзор.

Чу Цзюсюй почувствовал, как ярость ударила в голову. Пусть прыгает, никто не смеет мешать. Когда прыгнет, я проснусь и заберу его труп.

Евнух Ван поспешно схватил Вэнь Эра за рукав, прошептал: Ваша Светлость поздно лёг, за эти дни он вымотался и ранен. Передай Его Величеству всё как есть, он не станет винить.

Вэнь Эр колебался: когда он уходил, император уже собирался перелезть через перила, он искренне боялся, что Чу Лань по неосторожности сорвётся вниз.

Чу Цзюсюй сел на кровати. Когда император Чэнсюань в своё время угрожал прыгнуть, он говорил Наследному принцу: Пусть прыгает, посмотрим, действительно ли он решится.

Только сейчас Чу Цзюсюй понял чувства Наследного принца. Тогда он говорил, стоя на твёрдой почве, не зная боли. Всё дело в дурной наследственности императора Чэнсюаня: Чу Лань ничему другому не научился, зато угрожать прыжком научился сам собой.

Чу Цзюсюй наскоро оделся, умылся и, схватив пару булочек, побежал, жуя на ходу. Он торопился больше, чем жених на свою свадьбу.

На вершине самой высокой башни император в светлых жёлтых одеждах стоял перед перилами, едва достающими ему до пояса, не отрывая глаз от входа, вытягивая шею от нетерпения.

Евнух Пань, видя это, лишь беспомощно вздыхал: Ваше Величество, регент проделал путь до столицы с великим риском для жизни, вам... нужно проявить понимание.

Слова о том, что вам не следует так поступать, он проглотил, заменив на более мягкие.

Чу Лань сунул руки в рукава: Если бы он вчера не развлекался в таких местах, с чего бы мне так себя вести? Эти дни я от беспокойства за дядю не спал, а он мало того, что по возвращении не пришёл проведать, так ещё и побежал по борделям!

Евнух Пань больше не стал его убеждать. Есть вещи, которые он может советовать, но если Чу Лань не слушает, он не может вмешиваться. Тем более что его господин — нынешний император.

Как раз когда Чу Лань смотрел вдаль, Чу Цзюсюй, широко шагая, вошёл внутрь. Посмотрев на того, кто стоял наверху, он нахмурился: Опять за старое?

Слыша упрёк в голосе дяди, Чу Лань покраснел от слёз: А что ещё остаётся? Ты ради уличных

демонов меня бросил, чего теперь лезешь с нотациями?

Оба евнуха в душе порадовались, что вокруг нет никого лишнего.

Лицо Чу Цзюсюя помрачнело: Что за чушь ты несёшь? Разве это подобает говорить правителю страны?

Ты кричишь на меня! — Чу Лань развернулся и встал на перила. — Ты меня бросил, проклятый демон, я сейчас прыгну, чтобы ты посмотрел!

Евнух Пань бросился вперёд, обхватив Чу Ланя за пояс: Ваше Величество, это опасно!

Сердце Чу Цзюсюя подпрыгнуло, но он в ярости крикнул: Не мешайте ему, пусть прыгает! Если умрёт, я заберу его труп.

Чу Лань в ярости полез на перила. Он всерьёз думал, что я не посмею?

Евнух Пань был на грани безумия: Ваше Величество, если с вами что-то случится, регенту тоже будет несладко.

Вовсе нет! — Чу Цзюсюй подлил масла в огонь. — Если он умрёт, я буду только счастлив.

У Чу Ланя на глазах выступили настоящие слёзы. Перекинув ногу через перила, он смахнул слезу рукавом и, всхлипывая, продолжил лезть дальше, выглядя при этом совершенно жалко.

Вэнь Эр поспешно бросился вперёд и схватил Чу Ланя за руку: Ваше Величество, регент ранен, он ждёт, когда вы обработаете ему рану.

Чу Лань и евнух Пань были поражены. Чу Лань, позабыв о прыжке, спрыгнул с перил: Сильно ранен?

Вэнь Эр, опустив голову, прошептал: Стрела попала в плечо, глубоко, до самой кости.

Чу Лань стремглав бросился к Чу Цзюсюю: Дядя!

Чу Цзюсюй холодно взглянул на него: Ещё помнишь, что я твой дядя? Хочешь довести меня до смерти?

Я был неправ, дядя, не сердись, — Чу Лань заискивающе взял его за руку. От худобы и ледяной прохлады его ладони сердце Чу Ланя сжалось. — Дядя, прости меня.

Чу Цзюсюй фыркнул: Возвращаемся.

Чу Лань повёл его в свои покои и усадил в кресло. Евнух Пань взмахнул рукой: Всем выйти.

Служанки, склонившись в поклоне, поспешно удалились.

Чу Лань протянул руку, чтобы распутать пояс дяди: Дядя, покажи мне рану.

Чу Цзюсюй невозмутимо сидел в кресле: Теперь-то я тебе нужен? А минуту назад ты собирался умирать и скандалить, если бы не знали, подумали бы, что ты моя супруга.

Чу Лань немного разозлился: Дядя, как можно такое говорить!

Белоснежное одеяние было снято, обнажая окровавленную рану на плече. Но самым страшным было то, что по спине Чу Цзюсюя змеились ярко-красные узоры — признак яда Иглы в шёлке. Красные полосы — это вены, и когда они все станут красными, даже бессмертный не поможет.

Яд Иглы в шёлке — это проклятие, которое Чу Цзюсюй получил, когда в пять лет прикрыл собой пятилетнего Чу Ланя. Тогда это напугало мальчика до смерти, он несколько месяцев видел кошмары.

Чу Цзюсюй нетерпеливо бросил: Чего застыл?

Чу Лань опомнился и поспешно взял у евнуха Паня мазь. Дядя, это старый пёс Фань натравил на тебя убийц?

А кто же ещё? — Чу Цзюсюй подпёр подбородок и закрыл глаза. — Как продвигается дело Вэнь Шу?

Думаю, в ближайшие пару дней Мин Чэнь что-нибудь доложит, — Чу Лань нахмурился. — Вэнь Шу умер слишком подозрительно.

Рассказывай.

На поверхности Вэнь Шу был человеком старого пса Фаня, глубже — нашим, а на самом деле — ничьим. Мы хотели вычислить, кто стоит за ним, и Фань Вэньфан хотел того же. Вэнь Шу умер в неподходящий момент, и Фань не трогал пост начальника Управления двора только потому, что не было его верного ученика. То есть смерть Вэнь Шу застала его врасплох, — Чу Лань задумался. — Наставник ещё менее вероятен, у них с Вэнь Шу не было конфликтов, наставнику не было нужды убивать его.

Чу Цзюсюй хмыкнул, соглашаясь с Чу Ланем. Не смотри на то, что наставник выглядит отрешённым, на самом деле у него на уме чёрти что. Остерегайся его, мне всё кажется, что он что-то замышляет.

Чу Лань удивился: Неужели он тоже положил глаз на моё место?

Чу Цзюсюй приоткрыл затуманенные глаза: Не похоже.

Тогда что ему от нас нужно?

Чу Цзюсюй снова закрыл глаза: Почём мне знать? Он ведёт себя с нами то близко, то далеко, как будто охмуряет жену: смотришь — ничего особенного, а в критический момент всегда поможет.

Он болезненно охнул и открыл глаза: Ты хочешь убить дядю, причинив ему такую боль?

Чу Лань поспешно ослабил бинт. Дядя, не говори ерунды! Наставника ты сам привёз из Храма Защиты Государства, так что он помогает из признательности.

Ты сам-то в это веришь? — холодно усмехнулся Чу Цзюсюй. — Цзин У станет ради меня одного делать так много? Не тешь себя мечтами.

Дядя, не говори так, — Чу Лань, одевая его, уже в который раз напоминал. — Чего бы ни добивался наставник, будем наблюдать, рано или поздно он покажет хвост.

Чу Лань прищурился: Кстати, зачем ты ходил в бордель?

Чу Цзюсюй приоткрыл сонные глаза: Кто тебе сказал? Наставник?

Да, — Чу Лань тут же сдал Цзин У. — Ещё просил меня вразумить тебя, мол, если чиновники узнают, непременно напишут донос.

Ну и сплетник этот Цзин У!

Я ходил не в бордель, а в заведение с музыкантами. Вдовствующая императрица хочет выдать Чанлэ за Чжоу Цзыхэна, мне нужно было узнать, что он за человек, — Чу Цзюсюй усмехнулся. — У него там чисто в заднем дворе? Он большую часть месяца развлекается с женщинами в Доме Манфан, разве может быть чисто в его заднем дворе?

Чу Лань помрачнел: Какая низость!

Чу Цзюсюй открыл глаза и посмотрел на него: Чанлэ — твоя родная сестра, ты даже не разобрался, что за человек этот Чжоу Цзыхэн. Чем занимаются люди вокруг тебя? Вместо того чтобы жалеть их, лучше пожалей своего дядю, который всю жизнь пашет как проклятый. Похоже, я в прошлой жизни задолжал вам обоим.

Чу Лань закусил губу, на душе стало кисло: Если мы с Чанлэ упадём в воду, кого дядя спасёт?

С твоим-то мастерством боевых искусств — если упадёшь, я тебя самого высеку, — Чу Цзюсюй откинулся на спинку кресла. — Ты вырос под моей защитой, никто не сравнится с тобой.

Чу Лань сразу успокоился. То, что Чу Цзюсюй помогал обеим принцессам, было лишь данью памяти покойному императору, но чувства к нему — совсем иное. Неуклюже завязав пояс, он поднял голову и увидел, что Чу Цзюсюй уже спит. Последние дни в спешке и скитаниях он совсем не высыпался, под глазами залегли тёмные тени.

На девятнадцатом году эры Чэнсюань наследный принц погиб от отравления, тогда Чу Лань, законный сын Чу Цзинцзэ, только родился, а принцесса во чреве наложницы стала сиротой. Император был в ярости, и все два принца, замешанные в заговоре, вместе со своими матерями и родами были уничтожены.

Из пятерых сыновей императора осталось двое, и он, минуя их, сделал Чу Ланя наследником. После смерти принца здоровье императора пошатнулось, он продержался три года и перед смертью издал указ: провозгласил покойного принца императором. После его кончины трёхлетний Чу Лань взошёл на престол, а пятнадцатилетний Чу Цзюсюй стал регентом.

Трёхлетний Чу Лань, ничего не понимая, напялил халат дракона. У императора в сердце был только один ребёнок — наследный принц, у него не было понятий вроде любви к ближнему. У семьи Чжоу не было сил защитить Чу Ланя. Едва родившись, он оказался рядом с Чу Цзюсюем, так что можно сказать, что тот вырастил его, что называется, с пелёнок.

Император не был глупцом. Он напустил тумана, заставив всех поверить, что оставил Чу Цзюсюю отряд тайных стражей. Его бредни помогли Чу Ланю облачиться в императорское одеяние, а церемония восхождения на трон прошла с великим размахом.

Маленький Чу Лань растерялся перед лицом толпы, но Чу Цзюсюй вышел за его спину и посадил на трон. Трон был изготовлен на заказ, и то, что Чу Цзюсюй сажал слишком маленького Чу Ланя на трон, стало привычкой.